

ют враждебное поведение. Каждое движение требует еще более острого ответа на него. Бэйтсон выделяет три типа социогенеза:

– *симметричная система социогенеза* – каждая из сторон последовательно усиливает свою реакцию на оппонента. Ситуация симметричного углубления раскола усиливает чувство собственной правоты по обеим сторонам оппозиции и последовательно уничтожает любую возможность найти согласие;

– *взаимодополняющий социогенез* состоит в том, что взаимодействие между сторонами основано на господстве и подчинении. Господствующее большинство может согласиться на существование меньшин-

ства при условии, что оно будет демонстративно признавать исповедуемые большинством ценности и заявлять о своей удовлетворенности жизнью в соответствии с принципами большинства. В итоге такое развитие событий может привести к полному разрыву связи между обеими группами;

– *система взаимности* – каждый отдельный акт взаимодействия симметричен, а в длительной перспективе действия обеих групп уравниваются. Обоюдная зависимость гарантирует относительную стабильность, однако всегда существует возможность перехода к симметричной или к взаимодополняющей системе социогенеза [30].

Литература

1. Encyklopedia Powszechna. Warszawa, 1976.
2. Ogonowski Z. Filozofia polityczna w Polsce XVII wieku i tradycje demokracji europejskiej. Warszawa, 1992.
3. Locke J. List o tolerancji. Warszawa, 1963.
4. Kamen H. The Rise of Tolerantion. L., 1967.
5. Mill J.S. O wolnosc. Warszawa, 1853.
6. Marks K., Engels F. O sprawiedliwosci społecznej. Warszawa, 1986.
7. Toffler A. Trzecia fala. Warszawa, 1986.
8. Wladza polityczna: koncepcje i ujecia zjawiska. Katowice U.S., 1997.
9. Hare R.M. Freedom and Reason. Oxford, 1963.
10. Keller J. Tolerancja jako zasada moralna i postawa // Studia Filozoficzne. 1960. № 16.
11. Jaroszewski T.M. Tolerancja a kultura wspolzycia i wspolpracy ludzi o roznych postawach swiatopogladowych // Argumenty. 1981. № 29.
12. Wisniewski W. Wizje szkoly przyszosci. Warszawa, 1985.
13. Lazari-Pawlowska I. Trzy pojecia tolerancji // Studia Filizificzne. 1984. № 8.
14. Klomps H. Tugendem des modernen Menschen. Augsburg, 1969.
15. Kotarbinski T. Studia z zakresu filizofii, etyki i nauk społecznych. Wroclaw, 1970.
16. Muszynski H. Rozwoj moralny. Warszawa, 1983.
17. Salij O.J. Szukajacym drogi. Poznan, 1982.
18. Kozakiewicz M. O tolerancji i swobodzie sumienia. Warszawa, 1963.
19. Ossowska M. Wzor obywatela w ustroju demokratycznym // O czlowieku, moralnosc i nauce. Warszawa, 1983.
20. Sownik Wyrazow Obcych / Pod red. B. Pakosz. Warszawa, 1992.
21. Sownik Psychologiczny / Pod red. W. Szewczuka. Warszawa, 1985.
22. Grzegorzczak A. Filizofia czasu proby. Paryz, 1979.
23. Caldera R. Co to jest chrzescianska demokracja? Warszawa, 1967.
24. Gumplowicz L. Filizofia społeczna. Warszawa, 1905.
25. Simmel G. Obcy // Socjologia. Warszawa, 1975.
26. Nowicka E. Swoi i obcy. Warszawa, 1990.
27. Kloskowska A. Oblicza polskosci. Warszawa, 1990.
28. Elias N. Przemiany obyczajow w cywilizacji Zachodu. Warszawa, 1990.
29. Bateson G. Czlowiek i jego srodowisko. Warszawa, 1967.

В.В. Фалилеев, Н.Н. Волкова, Е.В. Караваева

СЛОВО КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ДУХОВНОСТИ И ЕГО РОЛЬ В ПЕДАГОГИКЕ

Кемеровская государственная академия культуры и искусств

Духовная сфера человека определяется внутренним вербальным информационным миром, формирующимся в условиях коммуникативной речевой деятельности. Речевая деятельность включает в себя чтение, письмо, слушание, говорение, которые демонстрируют возможности психики в манипулировании информационными процессами, в основе которых лежит слово. Если чтение и слушание основаны

на способности человека воспринимать информацию, то письмо и говорение призваны формировать информационное сообщение и передавать его. Таким образом, речевое общение является основным содержанием информационной культуры. Владение языком, словом – яркий показатель процессов мышления, а следовательно, поведенческой активности и деятельности личности в жизненных различных си-

туациях. Вербализация мыслительного процесса в свете современных достижений естественных наук в сфере информационной биофизики (экстрасенсорика), призванной раскрыть механизмы информационно-энергетических связей в регуляции процессов жизни и поведения человека, приобретает принципиально новый аспект, поскольку слово, а тем более мысль, имеет материальную основу. В подтверждение этого представим некоторые результаты таких исследований.

Наглядной демонстрацией материализованного представления человеческой мысли является метод регистрации объектов, помещенных в электрическое поле высокой частоты, разработанный советскими изобретателями С.Д. Кирлиан и В.Х. Кирлиан. Этими изобретателями был предложен метод фотографирования предметов в высокочастотном поле. Суть метода состоит в том, что предмет, помещенный в токи высокой частоты, начинает излучать видимый свет, и это свечение легко можно зафиксировать, например, на фотопленке.

Эксперименты показали изменение свечения кожи в момент перехода к психологической активности. При этом видна динамика цветового свечения от фиолетовых тонов к красным, от высокочастотного состояния к менее частотному [1]. Из этого можно сделать вывод, что излучаемый свет меняется по частоте, излучение модулируется в информационный сигнал, который может приниматься другим человеком. Наличие электрического поля подтверждается биоэлектрическим потенциалом мозговых структур, измеряемым приборами при психофизиологических исследованиях. Регистрация электрической активности мозга (электроэнцефалография) широко используется в клинике, так как те или иные заболевания, например опухоль, рубец на месте бывшего ранения, обуславливают характерные изменения электрической активности в окружающих их тканях. Кроме того, доказано существование биологически активных точек на коже человека.

Многочисленными клинико-физиологическими исследованиями было установлено, что эти точки обладают специфическими особенностями, отличающими их от окружающих участков кожи. В них наблюдается относительно низкое электрическое сопротивление, высокий электрический потенциал, повышенное поглощение ультрафиолетового излучения, повышенная температура поверхности кожи, увеличенное потоотделение, высокий уровень обменных процессов и значительное повышение болевой чувствительности при надавливании. Использование биологически активных точек в восточной медицине обосновывается наличием энергетических каналов, меридианов, линий. Всего насчитывается 12 парных и два непарных меридиана, 15 вторичных, 8 «чудесных», по которым циркулирует жизненная энергия, обеспечивая жизнеспособность организма [2]. По предлагаемой

гипотезе излучаемые модулированные сигналы кожного покрова могут восприниматься активными точками меридианов, которые функционально связаны со всеми жизненными системами организма. Нужно при этом отметить, что кожный покров и активные биологические точки представляют собой разные системы.

За последние три десятилетия отечественные и зарубежные физиологи экспериментально показали, что вызванные словом импульсы второй сигнальной системы поступают из коры больших полушарий головного мозга во внутреннюю среду организма и перестраивают жизнедеятельность тканей, внутренних органов на длительное время. Этим и объясняется большая устойчивость здоровой жизнедеятельности организма, вызванной усвоением настроев метода психокоррекции Г.Н. Сытина. Метод словесно-образного эмоционально-волевого управления состоянием человека позволяет решать многие проблемы терапевтического плана, усваивая текст соответствующих настроев, а также педагогического.

Как показали исследования, результаты одного тридцатиминутного занятия фиксируются приборами на протяжении месяца и более. Метод словесно-образного эмоционально-волевого управления состоянием является комплексным методом, заключающимся в речевом управлении психическим состоянием. Теоретическую основу метода составляют фундаментально разработанные в зарубежных и отечественных исследованиях различные учения в области физиологии, медицины, психологии и педагогики: учение И.П. Павлова о слове как реальном раздражителе для человека и о сигнальных системах; теория функциональных систем П.К. Анохина; основополагающий принцип единства психического и соматического, принятый в отечественной медицине; теоретические основы саморегуляции, разработанные советскими психологами и педагогами; теории самовоспитания; массовых психических явлений и представлений; о воле и эмоциях, принципах и методах обучения и воспитания, разработанных советскими педагогами [3].

Психосоматическое состояние человека управляется комплексным влиянием речи или отдельных слов на представления человека о себе или других, его эмоции, волевые усилия, массовые психические явления, общественно значимые отношения, а также специальными физическими приемами и упражнениями. Все это достигается специфическим построением настроев, посредством усвоения которых в основном и осуществляется управление состоянием. Необходимо при этом подчеркнуть, что представление о себе основывается на прошлой жизни и занимаемом общественном положении в настоящем, на отношении коллектива, понимании уровня своего развития и образования, знании особенностей своего характера, телосложения, здоровья и др. Так как физические особенности человека в извест-

ной степени обусловлены наследственностью, поэтому эта часть содержания представления о себе обычно связывают с пониманием всего того, что имеет отношение к наследственности.

Качественные особенности личности накладывают отпечаток на отношения с людьми, поэтому самоизменения связаны с изменением представления о личности в целом. Если человек выдвигает как особенно ценное какое-либо одно качество, то происходит неизбежный отрыв этого качества от личности. Как показывает опыт педагогической работы, это приводит к снижению эффективности самоизменения, что в психологическом плане объясняется изоляцией личности от коллектива, ее содержательных общественных отношений, отрывом от личности одного из главных проявлений, а в физиологическом плане – нарушением цельности всей грандиозной системы временных нервных связей. Поэтому внутренний, духовный мир должен рассматриваться единой системой различных информационных коммуникативных структур, отражающих жизнеобразующие психофизиологические и социально-экономические отношения в социуме и охватывающих человека, личность в целом.

В нашей концепции важную роль играет изучение изначального содержания слов в языке. Исследования в области раскрытия корней древнего русского языка показывают, что в старославянской письменности числительные обозначались буквами русского алфавита, т.е. А=1, Б=2, В=3 и т.д., причем после цифры 10 идут 20, 30, 40 и т.д., а после 100 – соответственно 200, 300, 400... Значит, каждая буква азбуки имеет строго определенную меру. Оказалось, что весь русский язык, все слова имеют суммарные числовые меры, подчиняющиеся строгой закономерности. При этом слова-синонимы имеют одну и ту же сумму при различном написании. В других древних языках слова одного смысла также имеют одинаковую числовую меру в противовес некоторым влияниям современной науки о языке, договорившейся до того, что азбука сугубо условна, так же как и названия предметов. Но была доказана безусловность русской древней азбуки, как и безусловность слов русского языка, что нашло блестящее подтверждение в работах ученых Калининградского университета.

Слова русского языка, собранные в систему под названием «Мысленно древо», оказывали реальное воздействие на мир физических явлений и событий. Этим древний русский язык существенно отличается от нынешнего празднословия и пустословия. Необходимо особо подчеркнуть, что старославянский литературный язык сопровождался изобретением специально для смысла слова предназначавшейся буквы под пером писателей и переводчиков, пользовавшихся им как орудием духовной культуры. Лишь на протяжении XVIII–XIX вв., по мере развития национального самосознания, книжно-славянский язык в сфере культурной деятельности уступает место ли-

тературному языку [4]. Поэтому в основе духовной культуры воспитывающейся личности должны закладываться основы кирилло-мефодиевских традиций старославянского языка с научно обоснованной адаптацией к современным условиям. Должна оставаться онтологическая сущность речевой культуры, являющейся фундаментом духовного развития личности.

Лингвистический аспект речевого общения формирует содержание духовной деятельности. Внутренний мир человека, развивающейся личности будет определяться информацией, закладываемой посредством речевого общения в память, которая, в свою очередь, зависит от содержательной сущности используемой терминологии, понятий. Таким образом, возникает насущная необходимость развивать преемственный характер содержательной стороны значений современного языка от старославянского. С учетом биоэнергетической, психофизиологической роли вербализационной сферы психики категории, понятия духовного приобретают качественно новое онтологическое содержание. Например, нормативно-оценочные категории морального сознания «добро» и «зло» сопровождаются соответствующими объемами положительной или отрицательной информации. Первая будет характеризовать все нравственно-положительное, хорошее, полезное, благо; вторая – нравственно отрицательное, дурное, вредное, неприятное. Культивирование той или иной информации приведет в конечном счете к формированию положительных или отрицательных нравственных ценностей, что в итоге будет определять направленность жизнедеятельности индивида «на других» или «на себя». Духовный мир сопряжен с такими понятиями, как «вера», «надежда», «любовь», «красота», «истина». Обращение к энциклопедическим представлениям данных понятий дает возможность более полно рассмотреть содержание духовной деятельности.

Понятие веры рассматривается с точки зрения как религии, так и гносеологии и методологии науки. В некоторых религиозных системах вера занимает центральное место в мировоззренческой позиции человека, который понимает определенные утверждения о божественной сущности бытия, приобретает решимость придерживаться этих утверждений, определяет личное доверие к богу как устроителю жизни, ее руководителю, помощнику и спасителю во всех конкретных жизненных ситуациях и проявляет личную верность богу. Таким образом, вера является основным мотивом в поведении верующего. Вера в гносеологии и методологии науки рассматривается как принятие какого-либо знания без непосредственных эмпирических и рациональных обоснований. Научное познание как коллективная деятельность невозможно без доверия к опыту других людей, без веры в истинность ряда intersubjectively значимых норм и идеалов, имеющих мировоззренческий статус. Вера в ситуациях неопределенности выступает как ком-

понент личной позиции ученого и педагога, включающих познавательную деятельность в целостный процесс человеческой жизни с чувствами и переживаниями, нравственными оценками, актами свободного избрания. Вера, переходящая в убежденность, является важным связующим звеном между знанием и практическим действием, необходимым условием практической реализации теоретических идей. Как верующий, так и ученый в своих жизненных позициях, поведенческой активности, профессиональной деятельности существуют в вере.

Надежда как эмоциональное переживание возникает при ожидании субъектом желаемого события. Она предвосхищает вероятность его реального осуществления, отражая причинно-следственные связи в происходящих явлениях. Формирование надежды происходит вследствие познания объективных причин, от которых зависит ожидаемое событие, или на основе субъективного эмоционального опыта, накопленного в сходных ситуациях в прошлом. Переживание успеха или неуспеха, радости или печали, удовлетворенности личностью в тех или иных обстоятельствах может стать первоосновой в возникновении надежды. Предсказываемая возможность развития событий, футуристический характер надежды играет роль внутреннего регулятора деятельности, помогающего определять ее последствия и целесообразность. Состояние надежды сопряжено с мотивацией. Чем сильнее мотивация, тем ярче проявления надежды. При высоком уровне мотива надежда может сохраняться и при отсутствии обосновывающих ее условий. Поэтому в духовной деятельности педагога надежда играет весьма важную роль в поддержке оптимистического психического состояния, оправдывая расхожее выражение – «Надежда умирает последней».

Принципиально важное место в духовной деятельности отводится любви, поскольку направленность чувств и воли обращена на определенный объект. Объектом любви могут выступать предметы, явления, события, идеи, сопровождающие человека. Потребность «отдать себя» любимому предмету и одновременно сделать его «своим», в эмоциональном пределе – «слиться» с ним проявляется необходимостью стремления к постоянству, верности. Любовь возникает как самое свободное выражение чувств человека. И поскольку они являются непредсказуемыми, ее нельзя принудительно вызвать или преодолеть. Важность и сложность явления любви определяется тем, что в нем, как в фокусе, пересекаются противоположности биологического и духовного, личного и социального, интимного и общезначимого. В русле нашего подхода важно отметить ориентацию выражения чувств на других, исключая проявление эгоизма. Рассматривая человека с позиции информационно-энергетической теории можно заметить, что в идеале информационно-энергетические процессы

в состоянии любви идут наиболее эффективно. Это объясняется тем, что получаемая информация и энергия, перерабатываясь в духовном мире человека, тут же отдаются во внешний. Известно, что организм сам по себе не способен производить вещество, энергию и информацию для поддержания своего существования, а тем более развития. Поэтому эффективные обменные процессы определяют непереносимое наличие любви в структуре духовного мира человека.

Окружающий мир существовал, существует и будет существовать независимо от человека по своим законам и правилам. Адекватность отражения основ мироздания в сознании человека заключает сущность познания истины. Сознательная активность людей преобразует мир, создает культурную среду, формирует социальные отношения и т.п., раскрывая истину через конкретные открытия. Осознание конкретных истин является основополагающим фактором в процессе адаптации человека посредством снятия неопределенности, неясности в знаниях сложившихся причин, условий, обстоятельств. Поэтому истина является процессом, играющим целеполагающую роль в духовной деятельности. В основе познавательного процесса, при котором красота, характеризующая явления, обладающие высокой эстетической ценностью, играет принципиально важную роль. Как эстетическая ценность красота отличается от нравственных и познавательных ценностей тем, что она связана с восприятием определенной формы объекта и обращается к созерцанию или воображению. Как показывают исследования, наиболее эффективными объектами эстетического восприятия обладают явления, события, предметы, основанные на принципах гармонии. Повторяемость целого в его частях, соподчиненность частей в целом, соразмерность, уравновешенность, единство целого, соблюдение правила «золотого сечения» в процессе восприятия создают условия наибольшей эффективности эстетического восприятия в учебном процессе. Таким образом, истина и красота, занимающие должное место в духовном мире, транслируются в педагогической деятельности.

Если вера как источник существования светлой цели в постижении истины, сущности человеческой жизни определяет мотив и направленность жизнедеятельности, то надежда формирует состояние ожидания, уверенности успешного осуществления намеченного. Любовь как проявление жизни определяется состоянием чувств и воли, направленных на окружающий мир, сопровождаемых потребностью «отдать себя», «слиться с ним». Красота как высшее проявление эстетического чувства создает фон протекания перечисленных духовных процессов. Ориентация на добро, духовно-нравственная наполненность содержания информации сознания обеспечивает «исправное» функционирование психики. При этом особую роль в речевой деятельности играет изначальное значение используемых слов, что важно для педагога.

Из вышеизложенного напрашивается вывод о принципиально важной жизнеутверждающей роли духовной культуры личности, воспитанию которой должно уделяться особое внимание. Достижения информационной биофизики, информационно-энергетическая сущность лингвистической вербализации психических процессов, практика использования биологически активных точек, метода словесно-об-

разного эмоционально-волевого управления состоянием характеризуют онтологический аспект духовной деятельности. Поэтому структура духовного мира личности, включающего понятия познавательно-нравственно-эстетического характера (вера, надежда, любовь, истина, красота), через онтологический статус слова благодаря педагогу переходит в психологический статус духовности обучаемого.

Литература

1. Дубов А.П., Пушкин В.Н. Парапсихология и современное естествознание. М., 1989.
2. Фалилеев В.В. Психологическая адаптация человека. Кемерово, 1999.
3. Сытин Г.Н. Животворящая сила. Помогите себе сами. М., 1991.
4. Хабургаев Г.А. Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской книжности. М., 1994.

Д.В. Воробьев

О ЕДИНИЦЕ, ЕДИНОМ И ЦЕЛОМ ЯМВЛИХА СИРИЙСКОГО

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет

«Единое – есть не-целое». Правильность этого утверждения видится чем-то вполне очевидным, поскольку первое, т.е. единое, исключает любое различие, тогда как, напротив, целое предполагает различие части по отношению к нему и потому различие в частях. Иными словами, оно предполагает наличие частей и, следовательно, «деление» на части. Можно также сказать, что единое исключает собою наличие целого, равно как и обратное. Именно в силу этого применительно к единице мы старательно избегаем понятие «целое», применяя последнее лишь в сочетании с «неделимым», т.е. как «неделимое целое».

Поскольку целое предполагает различие в частях, т.е. наличие частей и, соответственно, деление на части, то, говоря «неделимое целое», мы, следовательно, полагаем такое целое, которое не обладает этим различием или совсем не имеет частей, единственное назначение которых быть отличными друг от друга. Иначе говоря, является тем, что мы называем единым. Говоря «неделимое целое», мы, следовательно, полагаем единое.

Разумеется, что «неделимое целое» есть в своем роде некое допущение. Употребляя такого рода конструкции, мы уже допускаем ошибку. А именно совмещаем два несовместных момента: неделимое – то, что необходимо исключает любое различие, и целое – то, что необходимо предполагает наличие частей, и потому деление на части существует лишь в отношении с ними и немыслимо вне этого отношения. Определяя единое как неделимое целое, мы, таким образом, допускаем *contradictio in abstracto*, но понимаем при этом, что это, пожалуй, единственный способ прийти к тому пониманию единого, к которому мы в итоге приходим.

Собственно говоря, не существует вообще какого-то четкого и конкретного определения единого. Равно как не существует и каких бы то ни было определений единого вне понимания целого. Так, упустив понимание целого из понимания единого, можно, к примеру, сказать, что единое – это то самое нечто, что исключает любое различие, или то, что совсем не имеет частей: или то, что тождественно собственной части. То, к чему мы в конечном счете приходим, есть нечто неутешительное. Выстроенные нами определения не исчерпывают всего понимания единого, тогда как неискушенный читатель вообще не поймет, о чем идет речь. Точнее сказать, не доносят всего того понимания единого, к которому мы неизбежно приходим, обращаясь к понятию «целое». Кроме того, понимание части, даже если речь идет об отсутствии таковой, опять-таки требует понимания целого, что, следовательно, говорит о незримом присутствии этого целого в каждом из наших определений.

Итак, всякого рода понимания единого требуют понимания целого. В подтверждение вышеизложенной мысли обратимся к «Филебу» Платона. Или, точнее сказать, к платоновскому Сократу, в своем диалоге с Филебом рассуждающему о природе единого и о некоем мифическом Тефте, как-то раз обратившем внимание на беспредельность звука и одновременно на то, что гласные (равно как и безгласные) звуки в этой своей беспредельности представляют собой не единство, но множество. Тот, кто задался целью понять природу единого, согласно Сократу, должен, скорее всего, обратить свою мысль не на природу того, что есть неразлично (беспредельно), однако на числа, что в своем сочетании образуют некое множество